

Бахриев Бахри Хурshedович,
выпускник аспирантуры МГИМО МИД России,
к.полит.н., независимый исследователь

«Ресурсы “мягкой силы” и публичной дипломатии Китая в Центральной Азии: возможности и ограничения»

Китай является одним из ключевых экономических партнеров государств Центральной Азии на данном этапе. Однако в последние годы Пекин наращивает и свое «мягкосиловое» присутствие в регионе, что является относительно новой тенденцией в развитии социально-гуманитарного поля данного сегмента евразийского пространства.

Настоящий доклад посвящен анализу возможностей и ограничений китайской «мягкой силы» и публичной дипломатии в Центральной Азии. Исследуя «мягкосиловую» потенциал Китая в регионе, автор выделяет пять элементов:

- статус глобальной экономической державы;
- богатое историко-культурное наследие;
- прагматичная внешняя политика без навязывания ценностей;
- территория проживания достаточно большого числа мусульман и этнически близких народам ЦА групп населения;
- растущий интерес к изучению китайского языка.

Эти факторы создают возможности для китайской публичной дипломатии, которая является основным инструментом продвижения «мягкой силы». Например, Китай может использовать фактор этнокультурной общности своих национальных меньшинств для формирования транснациональных культурных связей со странами ЦА; наращивать активность работы с молодым поколением в регионе, для которого изучение китайского языка становится очень привлекательным, и продвигать идею о позитивных аспектах своей растущей экономической вовлеченности в ЦА через взаимодействие с экспертными кругами региона и лидерами общественного мнения. Именно этой

логикой можно объяснить активное наращивание КНР своей социально-гуманитарной деятельности в Центральной Азии, в частности в области культуры и образования.

Однако на данный момент обозначенные выше факторы во многом ограничивают китайскую «мягкую силу» в регионе. Активное экономическое «проникновение» в ЦА генерирует подозрения в экспансионизме, а жесткая политика Пекина в отношении национальных меньшинств в приграничных с ЦА территориях вызывают резкую негативную реакцию центральноазиатской общественности. Нивелировать влияние этих вызовов КНР не удастся не только из-за незаметного присутствия на информационном пространстве региона собственными ресурсами, но и сильной роли государства в определении направлений деятельности китайской публичной дипломатии.

Таким образом, автор приходит к выводу, что, обладая солидным потенциалом «мягкой силы», публичная дипломатия Китая, как инструмент продвижения этой силы в Центральной Азии, сталкивается с рядом ограничений. Это и объективно растущее экономическое влияние Китая в регионе, генерирующее новые и усиливающие существующие стереотипы в отношении стратегических намерений Пекина, и отсутствие универсальных культурных ценностей со странами региона, и, наконец, централизованный характер руководства публично-дипломатической деятельности, что лишает ее гибкости и возможности обращения к ресурсам негосударственных участников.